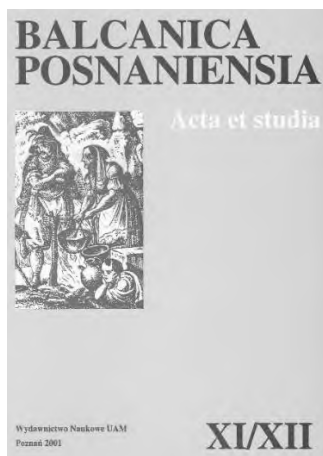

Морозова Светлана, *Униатская церковь Беларуси в противостоянии Востока и Запада*, „Balcanica Posnaniensia. Acta et Studia” 2001, т. 11–12, с. 7–14.

<https://doi.org/10.14746/bp.2001.11-12.8>

<https://pressto.amu.edu.pl/index.php/bp/article/view/52613>

Instytucją przechowującą materiały źródłowe jest Biblioteka Collegium Historicum Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

<http://bch.amu.edu.pl>

Zadanie zostało zrealizowane w ramach konkursu „Społeczna odpowiedzialność nauki II – Wsparcie dla bibliotek naukowych”. Projekt zatytułowany „Digitalizacja archiwalnych wydań czasopism naukowych zgromadzonych przez Bibliotekę Coll. Historicum UAM”. Projekt dofinansowany ze środków budżetu państwa, przyznanych przez Ministra Nauki w ramach Programu Społeczna odpowiedzialność nauki II. Wsparcie dla bibliotek naukowych (umowa nr BIBL/SP/0092/2024/02 z dnia 05.12.2024). Całkowita wartość projektu: 247 236,00 zł. Kwota dofinansowania: 220 836,00 zł.

The institution storing the source materials is the Library of the Collegium Historicum of the Adam Mickiewicz University in Poznań.

<http://bch.amu.edu.pl>

The task was carried out within the framework of the competition “Social Responsibility of Science II – Support for Scientific Libraries”. The project entitled “Digitization of archival editions of scientific journals collected by the Library of the Coll. Historicum of Adam Mickiewicz University”. The project was co-financed from state budget funds granted by the Minister of Science within the framework of the Programme Social Responsibility of Science II. Support for Scientific Libraries (agreement no. BIBL/SP/0092/2024/02 of 05.12.2024). Total value of the project: PLN 247,236.00. Amount of co-financing: PLN 220,836.00.

UNIWERSYTET
IM. ADAMA MICKIEWICZA
W POZNANIU

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Społeczna
Odpowiedzialność
Nauki II

УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛАРУСИ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

СВЕТЛАНА МОРОЗОВА

ABSTRACT. Морозова Светлана, *Униатская церковь Беларуси в противостоянии Востока и Запада* (The Unite Orthodox Church of Byelorussia in the opposition between the East and the West). Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XI/XII, Poznań 2001. Adam Mickiewicz University Press, pp. 75-81. ISBN 83-232-1078-0. ISSN 0239-4278. Text in Russian.

Swetlana Morozowa, Беларусь-Гродно.

Сколько ведет свой отсчет писаная история Беларуси, почти с самого начала и до сегодняшнего дня ее территория является полем борьбы двух типов европейских культур и двух ветвей христианского вероисповедания. Соперничество за нераздельную власть двух религиозных центров – Византии и Ватикана – и двух политических сил – Польского королевства и Московского государства – стали долговременным фактором развития наших земель. Склонные к мессиянству и экспансии, Восток и Запад брали на себя цивилизаторскую миссию в отношении Беларуси. В их противостоянии и под их давлением искали наши предки свое собственное место в обще-историческом процессе. „Колебание между Западом и Востоком и искреннее нерасположение ни к одному, ни к другому является основным признаком истории белорусского народа“, – справедливо отметил пророк белорусского возрождения начала XX в. И. Кончевский (Обдиралович)¹.

Во второй половине XVI в. на Беларуси столкнулись две взаимо-исключающие силы: духовная экспансия православной Москвы под лозунгом „третьего Рима“ и воинственный посттридентский католицизм, занятый искоренением идей Реформации. Каждая из них имела здесь свои интересы. Вплотную встал вопрос: как наладить отношения с Востоком и с Западом и при этом не лишиться своей духовно-культурной индивидуальности. Поиски религиозной альтернативы православию и католицизму привели местных

¹ І. Абдзіраловіч. *Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду*, Мінск 1993, с. 9.

христианских лидеров к идее церковной унии. Подбирая конфессию „под себя”, они отдали переимущество связям с западнохристианским миром и силились повести по берестейскому пути белорусско-украинскую церковь. Однако далеко не все поняли и одобрили такой исторический выбор епископата — сказалась 600-летняя православная традиция. Своеобразным гимном-молитвой антиуниатских сил стали строки, написанные в Супрасле Афанасием Селецким:

Утверди нас, господи, у вери стояти
а от востока к западу не отступати
Мы есмо твои рабы убогини,
бо вже прельстили христиане многи...²

Разбужненное гуманистически-реформационным движением, белорусское общество внезапно увидело себя отставшим от западноевропейского прогресса. Это культурное отставание во многом объяснялось долговременной вынужденной изоляцией Беларуси от Европы, в которой ее держала православная церковь. В своем непринятии „латинства” та заняла позицию изоляционизма и враждебности к западному миру, причем не только в отношении его религии, но и передовой европейской науки и культуры. Сама же восточная церковь, по словам Мелетия Смотрицкого, „пришла к упадку на вольности и науках”³.

В то время, как католический Запад под эгидой Ватикана дал привлекательный пример поднятия уровня своей церкви, очевидной стала неспособность восточных патриархов оказать белорусско-украинскому православию помощь в борьбе с обновленным католицизмом и ересями. „От них никакого утешения и помощи, не имеем в церковных делах” — писал униатский полемист⁴. Ориентация на пришедшую к упадку Византию и ее культуру стала казаться делом бесперспективным и даже вредным. Дискредитация патриархата подогревалась с Запада идеологами контрреформации. Обвинив Константинополь, попавший в турецкую неволю, в неспособности привести к церковному единству весь восточнохристианский мир, основоположники унии начали решать эту проблему на региональном уровне. При этом они преследовали добрые намерения — своей синтетической верой дать православному миру положительный пример единения и повести за собой вселенскую церковь. Даже в выработанных в Бресте в 1595 г. условиях-статьях свое и своих преемников право голоса в решении проблем религиозной жизни, когда остальная часть восточной церкви приступит к единству с церковью западной⁵.

² Ю. Лябынаў. *Пачатак Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Ренэсансу*, Мінск 1990, с. 96.

³ М. Смотрицкий, *Апология*, Дермань 1628, с. 4.

⁴ *Памятники полемической литературы в Западной Руси*, кн. 2, Санкт-Петербург 1882, с. 960.

⁵ І. Патеріло, *Артикули Берестейської унії. Записки чину св. Василя Великого*, т. XV, Рим 1996, с. 78.

Безусловно, идя на унию, им надо было оглядываться на эту остальную часть, прежде всего на восточного соседа именуемого в документах того времени как „московский неприятель”. В то время как Скарга приглашал белорусских и украинских „русинов” к унии, это же делал в отношении Московии Поссевин. Проект религиозной интеграции с Ватиканом К. Острожского предусматривал переговоры с Московским государством: идти на унию вместе или оказать своим белорусско-украинским братьям по вере существенную помощь в условиях конфронтации с католицизмом. Опасения не были напрасными – Москва два столетия потом это церковное новообразование уничтожала, пока в 1839 г. не dokonала совсем.

Уния сводилась к переходу из-под духовного руководства одного всемирного христианского центра, который, по словам Ипатия Потей, сделал „Русь” (Беларусь и Украину) неразлучной спутницей своей гибели и орудием восстаний против другого центра, к которому теперь склоняется и белорусско-украинская церковь. Понятно, тот, первый, звал возвратиться назад. „И не подумаю преклонять слух мой к Александрии, – отвечал на этот зов Потей, – руку простирать к Иерусалиму, за светом бегать в Константинополь... Меня осветила мудрость Рима, – меня, которого пред этим помрачало невежество греков...”⁶. Своей специальной грамотой папа римский освободил своих новых подданных от власти патриарха⁷.

Константинополь не смирился с тем, что белорусско-украинские владыки показали ему спину в 1596 г. и признали своим почетным главой папу римского. Он взял реванш в 1620 г. Посланный им в Русь Московскую и Русь Литовскую иерусалимский патриарх Феофан посвятил новую православную иерархию, которая настолько возбудила против унии оппозицию, что чуть не поставила ее на грань гибели.

Духовного, идеологического господства на Беларуси жаждала и Москва, после того, как из ее рук Беларусь была вырвана в 1579 г. Стефаном Баторием. Она объявила, что после падения Константинополя именно к ней перешло лидерство в ареале византийско-славянской культуры. Она присвоила себе миссию опекуны православия под лозунгом „Москва – третий Рим”. Вырванное в 1589 году у Константинополя признание Московского патриархата создало новый христианский национальный центр. Православные лидеры Восточной Европы во главе с московским тормозили этническую дифференциацию восточнославянских народов. Сторонники унии нарекали в связи с появлением нового центра христианства: пастырей, мол, размножилось, а толку нет.

Опасение духовной зависимости от Москвы, боязнь ее военно-политической силы, изведенной в Ливонской войне, „наклонили” определенные силы

⁶ Н. Трипольский, *Униатский митрополит Ипатий Потей и его проповедническая деятельность*, Киев 1878, с. 49-50.

⁷ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 823, оп. 3, д. 133, л. 13 об.

в Беларуси и на Украине в сторону Запада. Они словно убегали туда от непредсказуемого влияния Московского патриархата. Деятели унии в этой сложной ситуации поставили карту на Польшу и Ватикан. Опасность с Востока нарушила равновесие Беларуси в западном направлении, что имело как позитивные, так и негативные итоги. „Формальное признание папы главой, – считает белорусский историк С. Тарасов, – было скорее язвительным реверансом в сторону Московии и православного патриарха, чем фактическим ему подчинением”⁸. Уния выводила Беларусь из-под московского влияния. Поэтому понятно уничтожение унии и униатов московским войском и дипломатией в середине-второй половине XVII в., Петром I в начале и Екатериной II в конце XVIII в. Политическую и духовную силу восточного соседа почувствовали наши предки уже в 1655 г., когда оккупированные белорусские земли тогда еще временно были подчинены юрисдикции Московского патриархата. IX статья „вечного мира” 1686 г. стояла на пути распространения унии и стала желанной зацепкой для претензий России на территорию Великого княжества Литовского, поводом до вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой.

Созданием собственного патриархата Московское государство, бывшее важным объектом восточной политики Ватикана, защищало себя. Привлечением белорусско-украинских земель в сферу своего влияния оно стремилось ослабить, расколоть лагерь католической реакции. Поэтому Запад спешно стал притягивать к себе вторую, белорусско-украинскую часть восточнославянского мира. Именно с 1590 г. навязываемая Западом идея унии становится „хронической болезнью” последнего. Даже и теперь Ватикан не терял иллюзорной надежды распространения церковного союза дальше на Восток, сделав плацдармом для этого Беларусь и Украину. Поэтому он был заинтересован в привлекательном имидже унии и пристойных методах ее распространения.

Принявшая на себя во второй половине XVI в. „цивилизаторскую” миссию на востоке Европы, Польша была заинтересована в разрушении церковно-религиозного единства восточнославянских народов, с одной стороны, а, с другой, в консолидации христианского населения на подвластных землях в условиях вредного для целостности и безопасности Речи Посполитой разноречия. К тому же Константинопольский патриарх, которому подчинялась белорусско-украинская православная церковь, сам находился под властью турок – врагов Речи Посполитой. Опять-таки в религиозные дела вмешивалась большая международная политика. Униатская спайка, которой поляки хотели привязать к себе Беларусь и Украину, придавала им уверенность во владении этими землями. Польша хотела использовать унию в борьбе против Московии. Однако, как высказался классик белорусской историографии М.В. Довнар-Запольский, религиозное

⁸ С. Тарасаў, *Адукуль прыйшло хрысьціянства ў Беларусь*, Полацк 1992, № 1, с. 12-13.

завершение политической унии 1596 года было „несчастной утопией, которая подточила польское государство”⁹.

Но польский католический клир оказался большим врагом униатской церкви, в которой увидел конкурентку. Епископы представляли в Рим что разные обряды в одном костеле порождают колотню и ссоры и что католицизм устойчиво ширился бы на Восток и без унии. Светская сторона нарекала, что уния церковная создает в государстве внутренних врагов, подрывает унию политическую.

Когда эйфория, связанная с заключением унии, прошла, в определенных ватиканских кругах, среди польского католического духовенства возымела место мысль об ошибочности шага, сделанного в 1596 г. Обострение вероисповедных разногласий после 1596 г., критическое положение униатской церкви в 1620-ые годы, а также попытки ее независимого отношения к костелу вызвали в Ватикане разочарование такой религиозной интеграцией. „Некоторые считают, – инструктировали в 1622 г. папского нунция Лончелотти, – что лучше если бы не было унии, что без нее легче было бы обращать в католическую веру православных вельмож поодиночке”. Да и униатские владыки упрекали, будто латиняне не имеют иной цели, кроме как уничтожить греческое исповедание¹⁰.

Понятно, что Ватикан, заполучив беларусско-украинское население под свою духовную власть через унию, названую украинским писателем И. Франко „навязанным с Римом браком”, не согласился с проектом Иосифа Руцкого занять своего патриарха в Великом княжестве Литовском, ибо боялся потерять свой монопольный контроль над этими народами.

Спасения от домоганий польского костела „загнать чужих овец в свою ограду и в скором времени уничтожить всех русинов”¹¹ униатская иерархия искала в Риме. В середине XVII в. Яков Суша информировал его о непочтительном отношении, угнетении и дискриминации своей церкви со стороны римско-католического клира и костельного руководства и потворстве всему этому прокатолического королевско-шляхетского режима¹². Папство силилось погасить разлад, возникший на почве конкуренции, между носителями греческого и латинского обрядов.

Со второй половины XVII в. польский костел начинает преследовать униатов как не выполнивших свое предназначение. Проекты „уничтожения Руси” 1717 и 1786 гг. предусматривали уничтожение обеих „русских” вер – православной и униатской.

Оторванная от православия, уния не была принята как полноценная в католицизме. Латинская партия, не склонная поддерживать обособленность и

⁹ М. В. Довнар-Запольский, *Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.*, Москва 1897, с. 23.

¹⁰ *Беларуссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов*, т. I, Минск 1959, с. 388.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Украины во Львове, ф. 408, оп. I, д. 806, л. 2.

¹² Там же, д. 294, л. 1-8.

самобытность униатства, видела в нем осквернение католической веры, потому что папским именем освещались „схизматические” ошибки. В то же время восточные ортодоксы утверждали, что под унией оболочкой скрывается искаженное западными вкраплениями православие.

Рожденный в противостоянии Востока и Запада униатский компромисс оказался в тисках между ними, потому что никому из них сам по себе не был нужен. Как-то в запале религиозной полемики один православный апологет высказался следующим образом (1773 г.): „Поверь мне, нет на свете таких, кому бы уния и униати так сильно нравились; их все, восточные и западные христиане, терпеть не могут: восточные как своих отщепенцев, западные – как пришельцев, которым никогда не доверяют”¹³. Создалась такая ситуация, при которой выработанные униатской церковью культурно-религиозные ценности не находили понимания и признания „смежных” с ней конфессий, что не содействовало расширению сферы ее деятельности и круга приверженцев.

Убийственную характеристику Брестской унии с позиций интересов польского костела дал исследователь Е. Старчевский. Он пишет, что было наивно допустить, что под одной крышей сможет удержаться католицизм в двух так различных разновидностях, и что с тех двух разновидностей фактически не образуется двух отдельных вероисповеданий, которые будут людей не объединять, а разделять. Уния, как клин, вбилась между Польшей и Русью (Беларусью и Украиной), между латинским католицизмом и восточным вероисповеданием. То, что она должна была соединить, она надолго разделила. Уния помешала костелу шириться дальше на восток. Из нее была сделана какая-то „специфичная русинская религия”, которая стала конкуренткой костела и сделала „русинский организм” так национально, культурно и социально непохожим на Польшу. „Благодарны унии мы за это быть не можем”, – заключает Старчевский¹⁴.

Давлением на унию Запад сам загонял Беларусь под Москву, которая использовала религиозную карту для постановки вопроса о разделах Речи Посполитой. В XVIII в., а особенно с разделами часть униатских вождей обратила свои взоры на Восток в надежде найти там поддержку от наступления воинственного католицизма. С неимоверной силой литовский епископ Иосиф Семашко начал в 20-ые годы XIX в. „поворачивать униатские умы на Восток”, ибо прошедших двух с лишком столетий оказалось достаточным для того, „чтобы отвратить очи и сердца” поколений людей от „родного Востока” и преклонить их в сторону чужого Запада. Ликвидация унии осуществлялась под благовидным предлогом освобождения униатов от польско-католического угнетения, однако, часть их сама не захотела от этого гнета избавляться и перешла на латинский обряд. В XIX в. белорусов-униатов разобрали ополяченный костел и русифицированная православная церковь. До сих пор наш народ религиозно дезинтегрирован.

¹³ Там же, д. 894, л. 4.

¹⁴ E. Starczewski, *Widma przeszłości. Szkice historyczne*, Kraków 1929, s. 283-284, 329-330.

Униатский эксперимент 1596-1839 гг. оказался неудачным. Его историческая неудача объясняется вмешательством внешних сил с Запада и с Востока. Не вина, а беда унии, что она пришла в белорусский мир, уже разделенный на сферы влияния между православием и католицизмом. Она хотела этот мир соединить, примирить, но сама стала жертвой „сильнейших” религий.

CERKIEW UNICKA BIAŁORUSI W PRZECIWIENSTWACH WSCHODU I ZACHODU

Streszczenie

W drugiej połowie XVI w. na terenie Białorusi zetknęły się dwie przeciwstawne siły: ekspansja duchowna prawosławnej Moskwy pod hasłem „trzeciego Rzymu” i wojujący katolicyzm potrydencki. Poszukiwanie alternatywy wśród miejscowych liderów chrześcijańskich doprowadziło do unii kościelnej. Krag kultury prawosławnej okazywał się wówczas mocno zapóźniony w porównaniu z szybko rozwijającą się cywilizacją zachodnioeuropejską, a główne centrum prawosławia, Konstantynopol, znajdowało się w tureckiej niewoli. Ta sytuacja sprzyjała idei unii, wysuniętej w dobrej wierze. W pierwotnych zamiarach unia miała obejmować zarówno ruskie tereny Rzeczypospolitej, jak i Moskwę. Utworzenie patriarchatu w Moskwie w 1589 r. pokrzyżowało te plany, a obawa przed rozszerzeniem wpływów tego patriarchatu na cerkiew prawosławną w Rzeczypospolitej przyspieszyła zawarcie unii w Brześciu (1596). Obok czynnika religijnego istotną rolę odgrywał czynnik polityczny; z jednej strony obawa przed wpływami politycznymi Rosji, z drugiej zaś dążenie Polski do ściślejszego związania ze sobą ziem białorusko-ukraińskich. Jednak unia nie znalazła wielkiego poparcia w kręgach polskiego duchowieństwa katolickiego, albowiem w jego oczach osłabiała procesy integracyjne bezpośrednio z Kościołem rzymskokatolickim w Rzeczypospolitej. Toteż duchowni unicy szukali poparcia i pomocy bezpośrednio w Rzymie. Mimo to kilkakrotnie pojawiały się projekty „likwidacji Rusi” (1717, 1789). Unicy nie byli uznawani za pełnoprawnych katolików. Jeszcze gorzej przyjęta została unia przez świat prawosławny. W 1620 r. patriarcha jerozolimski Teofan wyświęcił nową hierarchię prawosławną w Rzeczypospolitej, a w 1655 roku okupowane ziemie białoruskie zostały poddane pod jurysdykcję patriarchatu moskiewskiego. Artykuł IX zawartego w 1686 r. „wiecznego pokoju” między Rzeczpospolitą a Rosją utrudniał rozprzestrzenianie się unii i umożliwiał Rosji mieszanie się w wewnętrzne sprawy Rzeczypospolitej. Unia dostarczała Rosji oręża ideologicznego, uzasadniającego rozbiory. Rosja dążyła do likwidacji unii i uczyniła to w 1839 r. Unicy z Białorusi bądź przyjęli prawosławie, bądź rzymski katolicyzm. W rezultacie unia miała dla ziem białoruskich skutki negatywne, przyczyniła się do rozdarcia społeczeństwa i podziału religijnego istniejącego do dziś.